

КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА

Северо-Запад

Annotation

Юный Конн, сын Конана, увлекается погоней за Белым оленем и попадает в руки гиперборейской колдунье, готовой отдать его Тот-Амону.

- [Лион Спрэг де Камп, Лин Картер](#)
 - [Гиперборейская колдунья](#)
 - [1. Белый олень...](#)
 - [2. Люди без лиц...](#)
 - [3. Кровавые руны](#)
 - [4. Белая Рука](#)
 - [5. Призрак прошлого](#)
 - [6. За вратами смерти](#)
 - [7. Ведьма](#)
 - [8. Посвященные Черного Кольца](#)
 - [9. Кровь и пламя](#)

Лион Спрэг де Камп, Лин Картер
Ветры Аквилонии — 1

Гиперборейская колдунья

1. Белый олень...

День близился к концу. Тяжелые тучи нависали над поляной измятым грязным одеялом, покрывшим собой все небо. Облачка тумана бродили между темными от сырости стволами деревьев подобно бесплотным призракам. Капли, то и дело срывающиеся с крон, тяжело падали на землю, укрытую цветастым ковром опавшей листвы.

Раздался глухой стук копыт и поскрипывание кожи, — на окутанную сумерками поляну выехал огромный вороной жеребец, В седле сидел широкоплечий великан. Человек этот был уже не молод. Время украсило сединами его темную шевелюру и пышные грозные усы. Годы наложили отпечаток и на его лицо, изрезанное глубокими морщинами. Смуглое скуластое лицо и мускулистые руки всадника были покрыты бесчисленными шрамами, свидетельствовавшими о том, что жизнь его была не легкой, однако можно было с уверенностью сказать, что годы его не сломили он уверенно держался в седле, движения же его были точны и легки.

Всадник остановил своего взмыленного жеребца. Он стал оглядывать залитую туманом поляну, — его живые глаза поблескивали из-под широких полей видавшей виды фетровой шляпы. Едва слышно он выругался.

Этого смуглолицего великана легко можно было принять за лесного разбойника, однако на головке рукояти его огромного меча красовался такой бриллиант, который мог принадлежать разве что знатному вельможе, рогу же, висевшему у него за спиной, и вовсе не было цены — он был вырезан из слоновой кости и украшен затейливой золотой филигранью. Всадником этим был сам король Аквилонии, — державы, равной которой не было на всем Западе. Звали его Конан.

Он пристально разглядывал следы конских копыт, что шли к центру поляны. Свет быстро мерк и читать их становилось все труднее.

Конан потянул за перевязь и, взяв в руки рог, хотел уже было затрубить в него, но тут вдруг услышал стук копыт. Из-за кустов, росших по опушке леса, выехала серая кобыла. Ее седоком был темноглазый человек средних лет с черными как смоль волосами. Судя по тому, как всадник поприветствовал короля, можно было понять, что они хорошо знакомы.

Что же касается Конана, то он, едва заслышив стук копыт, тут же схватился за меч, — хотя он и понимал, что в этом огромном мрачном лесу, лежавшем к северо-востоку от Танасула, ему бояться нечего, бдительности он не терял. Увидев перед собой одного из старейших своих товарищей, Конан позволил себе слегка расслабиться. Подъехавший к нему человек заговорил:

— Сэр, я осмотрел всю тропу — похоже, принц назад не возвращался. Но разве возможно, чтобы этот парень так и шел по следу белого оленя?

— Боюсь, что так оно и есть, — проворчал Конан. — Чего-чего, а упрямства этому мальчишке не занимать, — у него характер в отца. Ох и не сладко ему ночью придется, — того и гляди снова этот проклятый Дождь пойдет!

Просперо, пуантенский генерал армии Конана, изобразил на лице некое подобие улыбки. Этот огромный киммериец то ли случайно, то ли благодаря воле судьбы или прихоти своего северного бога смог взойти на престол Аквилонии, величайшего королевства Запада; однако оставался он все тем же варваром примитивным и своеенравным. Сын его, — пропавший принц Коня, — рос таким же, как и отец. Мальчик походил на него не только внешне, — как и у отца единственной его страстью были приключения.

— Может быть, созвать людей, сэр? — спросил

Просперо. — Негоже оставлять наследника трона в лесу. Мы рассредоточимся и затрубим в рога.

Конан стая покусывать ус. Пред ними расстилались темные леса восточного Гандерланда. Мрачная эта чащоба мало кому была ведома. Король посмотрел на небо, — судя до всему, дождь вот-вот должен был войти вновь.

— Этого делать как раз не стоит. Будем считать, что это будет для него хорошим уроком. Подумаешь, — раз он не поспит! В его возрасте я не одну ночь провел под открытым небом на киммерийских пустошах. Возвращаемся в лагерь! Олень от нас ушел, но, думаю, нам хватит и медведя. Ну а жаркое мы запьем добрым старым пуантенским. Ух, — как я проголодался!

Насытившись и изрядно захмелев, Конан решил прилечь у костра. Рядом хралел верзила Гийом, барон Имира, закутавшийся в шкуры. Загонщики и придворные, утомившиеся за день, спали мертвецким сном. У костра сидело лишь несколько человек.

Облака стали расходиться, на небе показался холодный лунный диск. Тут же подул пронизывающий ветер, срывавший с деревьев последние листья.

Вино развязало королю язык, — весь вечер он сыпал невероятными историями и анекдотами из своей богатой приключеньями жизни. И все же Просперо заметил, что время от времени Конан замолкает, всматриваясь во мглистую даль и напряженно прислушиваясь. Несмотря на кажущуюся его веселость, король был чрезвычайно встревожен. Говорить киммериец мог что угодно, но не волноваться он конечно не мог, — еще бы, — ведь его сыну принцу Конну исполнилось всего двенадцать лет.

Просперо показалось, что короля мучают угрызения совести, — такое с этим диким, поварварски примитивным киммерийцем случалось не часто. Идея путешествия в северный Гандерланд принадлежала Конану. Его супруга королева Зенобия тяжело болела, — рождение третьего ребенка далось ей с трудом. Вот уже несколько месяцев Конан ухаживал за вей, боясь покинуть больную хотя бы на минуту. Сын же его, чувствуя себя покинутым всеми, становился все угрюмее и замкнутее. Теперь, когда к Зенобии стали возвращаться прежние ее силы, а Смерть отступила от дворца, Конан решил провести пару недель вместе с сыном, надеясь восстановить так прежние отношения.

Сейчас этот упрямый мальчишка, для которого эта охота была первой, скакет по мрачной дикой чащобе, преследуя неуловимого белоснежного оленя...

Небо совершенно очистилось. Ветер, завывая, раскачивал темные ветви деревьев и шелестел листвою. Конан вновь прервал свой рассказ о колдунах и пиратах и стал прислушиваться. Грозный Гандерланд даже в ту бесспокойную эпоху считался местом далеко не безопасным. Бизоны и зубры, кабаны, медведи и волки бродили по его тропам. Были здесь и иные враги, — враги куда более коварные и опасные, — люди. В лесных чащах скрывались от закона разбойники, воры и изменники.

Выбравшись, король поднялся на ноги и швырнул черную мантию, наброшенную ему на плечи, на свое ложе.

— Можете считать меня кем угодно, — проревел Конан, — но больше так сидеть я не могу. Зовите меня стигийцем, если я собьюсь со следа! Фулк! Седлай гнедого Имира, — вороного я загнал. Теперь вы, — хлебните вина напоследок и седлайте своих коней. Сэр Валенс! В третьем фургоне лежат факела. Возьмите по факелу и отправляйтесь за мною вслед! Пока я не удостоверюсь в том, что мой сын в безопасности, спать я не лягу!

Покачиваясь в седле, Конан ворчал: «Этот глупый мальчишка погнался за таким оленем, за которым никакой скакун не угонится! Ну ничего, — я еще научу его уму-разуму!»

На мгновенье лик луны затмился, — по небу беззвучно проплыла огромная белоснежная сова. Конан вздрогнул и зло выругался. Его душа терзалась мрачными предчувствиями. Люди, ехавшие вслед за ним, рассказывали друг другу странные истории о белоснежном оленене-оборотне, что был стремителен словно ветер с севера. Конан молил Крома о том, чтобы это

животное было обычным оленем, а не каким-то таинственным существом, явившимся сюда из других пространств и времен...

2. Люди без лиц...

Юный Конн промок насеквоздь и продрог. На внутренней стороне бедер, там, где они касались жесткого седла, появились кровавые волдыри. Принц чувствовал, как им овладевает голод и усталость. Самым же ужасным было то, что он совершенно сбился с пути.

Белый олень парил перед ним призрачной птицей. Уже не раз животное подпускало его к себе на расстояние полета стрелы. Порой Конном овладевала рассудительность, и тогда он был готов повернуть обратно, однако тут же ему начинало казаться, что олень уже выбился из сил, что еще немного, и он,

Конн, нагонит его.

Мальчик потянул за поводья, и взмыленный пони послушно остановился посередь густых зарослей кустарника. Над головой его поскрипывали ветви и шепталась все еще густая листва, совершенно скрывавшая от него и луну, и звезды. Теперь он не понимал ни того, где он находится, ни того, в каком направлении ведет его белый олень. Мальчик поежился. Он хорошо знал характер своего отца и понимал, что его ждет порка. Смягчить гнев Конана можно было лишь бросив к его ногам шкуру оленя.

Забыв об усталости и голоде, Конн вновь исполнился решимостью. В эту минуту он удивительно походил на своего отца, — тот же пронзительный взгляд голубых глаз, та же копна черных волос, те же мощь и отвага. Конну было всего двенадцать, но он был уже выше многих взрослых аквилонцев.

— Вперед, Мардук! — воскликнул он, ударив пятками в бока своему черному пони. С трудом проравшись сквозь густые заросли, конь и всадник оказались на длинной поляне, поросшей высокими травами. Стоило им выехать на открытое место, как Конн вновь увидел вдали светлое пятно. Огромный белый олень грациозно, словно паря, пересекал прогалину. Сердце мальчика забилось чаще, им вновь овладел охотничий азарт. Кованые копыта забарабанили по земле, покрытой шуршащими травами. Олень, легко перемахивая через стволы поваленных деревьев, понесся к краю поляны.

Пригнувшись в седле, Конн сжал в руке легкое копье. Деревья стояли за поляной сплошной стеной, — олень должен был либо замедлить шаг, либо запутаться в густых зарослях.

В следующее мгновение, когда мальчик уже был готов метнуть копье, это и произошло. Олень замер и обратился в туманное облако, тут же превратившееся в высокую человеческую фигуру, закутанную в белые одеяния. Это была женщина; серо-стальные волосы обрамляли ее худое, бесстрастное лицо.

Конна охватил ужас. Пони, храпя и бешено вращая глазами, попятился назад. Конн испуганно смотрел в холодные зеленые глаза стоявшей перед ним женщины.

Все звуки смолкли. Конн стал слышать удары собственного сердца; руки его задрожали, во рту пересохло. Почему он так испугался? Как этот призрак мог испугать его, сына Конана-Завоевателя?

Собрав волю в кулак, мальчик крепко сжал древко копья. Сын Конана не боится этой женщины, кем бы она ни была — ведьмой, призраком или оборотнем!

В зеленых глазах, пристально глядевших на него, засверкали холодные искорки, — женщина смотрела на него с явной ironией. Она медленно подняла свою худую руку. Тут же в кустах раздался треск.

Мальчик обернулся и увидел, что на поляну со всех сторон выходят люди.

Все они были необычайно высоки и страшно худы, — худы настолько, что походили скорее не на живых людей, а на ожившие мумии. Они были едва ли выше великана Конана, — рост

некоторых превышал семь футов. С головы до пят эти люди были закутаны в черные одеяния, плотно, словно перчатки, облегавшие их тела. Черной тканью были прикрыты и их головы. Своими тонкими длинными пальцами они сжимали странные орудья, походившие на жезлы длиною фута в два, выточенные из черного дерева. На конце каждого жезла поблескивала небольшая — с куриное яйцо — сфера, изготовленная из какого-то непонятного серебристого металла.

Конн попытался рассмотреть их лица и ужаснулся. У этих людей лиц не было! Под черными накидками светились пустые белые овалы.

Убеги мальчик с поляны, его вряд ли стали бы упрекать в трусости. Однако он и не думал бежать. Ему было всего двенадцать, но он происходил из рода могучих воинов и отважных жен, — ни один из его предков не дрогнул перед лицом опасности, и потому не имел на это права и он. Предкам его доводилось встречаться лицом к лицу с гигантскими медведями, ужасными снежными драконами Фиглофийских гор и саблезубыми пещерными тиграми. Утопая по колено в снегу, они сражались с этими адскими созданьями под темными небесами Севера. В час опасности в мальчике проснулась память рода.

Женщина обратилась к нему по-аквилонски. Говорила она с сильным акцентом.

— Сдавайся, мальчик!

— Ни за что! — прокричал ей в ответ Конн. Издав боевой клич киммерийцев, он взял копье наперевес и, пришпорив своего коня, понесся на одну из безликих черных фигур.

Старое лицо женщины в белом оставалось бесстрастным. Не успел еще пони как следует набрать скорость, как острые когти пронзили руку Конна. Он охнул, согнувшись от боли. Копье выпало из его онемевших пальцев и исчезло средь высоких трав.

Один из черных великанов тут же приблизился к нему. Одной рукой он схватил пони за поводья, другой — завел над Конном жезл. Металлический шар легко коснулся локтя мальчика, попав точно в нервный узел. Конн едва не закричал от боли.

Черный человек занес жезл для нового удара, но тут же женщина прокричала ему что-то на неведомом языке. У нее был резкий металлический голос. Безликий человек в черном опустил руку.

Но Конн и не думал сдаваться. Громко закричав, он схватился левой рукой за рукоять висевшего у него на поясе меча. Неловким движением он вынул меч из ножен и перевернул его клинком вверх. Люди в черных плащах окружали его со всех сторон; к нему тянулись их тонкие руки.

Сделав обманное движение, Конн нанес удар человеку, стоявшему к нему ближе других. Клинок вонзился прямо ему в горло. Захлебываясь кровью, человек упал на колени и тут же повалился наземь.

Конн вонзил шпоры в бока пони. Тот, громко заряв, попятился было назад, испугавшись вида надвигавшихся на него безликих людей, но уже через миг, справившись со страхом, рванулся вперед. Люди в черном легко уходили от его подкованных сталью копыт. Один из них поднял свой жезл. Металлический шар с немыслимой точностью поразил кисть Конна. Меч выпал из его разжавшихся пальцев и исчез в траве. Другой металлический шар легко коснулся затылка мальчика. Тело его тут же онемело, и он свалился с седла прямо в тонкие иссохшие руки одного из безлицых людей. Прочие принялись усмирять его коня.

Зеленоглазая женщина склонилась над впавшим в забытье мальчиком.

— Конн, наследный принц Аквилонии, — скрипучим голосом пробормотала она и усмехалась. — Представляю, как будет радоваться Тот-Амон.

3. Кровавые руны

Ссутулившись в седле, Конан угрюмо утолял голод куском холодной медвежатины. К нему подъехал Эрик, но главный загонщик.

Король выпрямил спину, выплюнул кость и, отерев губы тыльной стороной руки, мрачно спросил: «Что-нибудь нашел?» Старый загонщик молча кивнул и протянул Конану странный предмет.

— Вот это, — сказал он.

Нахмутив брови, Конан стал рассматривать диковинную вещицу. Это была вырезанная из слоновой кости маска, принадлежавшая человеку с вытянутым узким лицом. Странным было то, что эта маска была совершенно гладкой, — ровный пустой овал с двумя вырезами для глаз. Вид ее Конану не понравился.

— Гиперборейские штучки, — сплюнул он. — Еще что-нибудь есть?

Старый охотник кивнул.

— Кровь на измятой траве, следы копыт молодого пони и — это.

Огоньки, блиставшие в глазах Конана, померкли; лицо посерезнело и осунулось. Это был меч, подаренный им Конну в день его двенадцатилетия. На серебряной рукояти была выгравирована корона принца Аквилонии.

— Это все?

— Собаки ищут след, Ваше Величество, — ответил Эрик.

— Как только они нападут на него, труби в рог и собирай людей! — проревел Конан.

Солнце стояло уже высоко; от сырой земли поднимался пар. Король Аквилонии поежился, почувствовав вдруг хладное дыхание смерти.

Прошел целый час, прежде чем они смогли отыскать труп. Тело было захоронено на дне овражка, — она было присыпано сырой землей и опавшей листвой так искусно, что отыскать могилу могли разве что собаки.

Конан съехал на дно овражка и стал разглядывать труп. С тела были сняты все одеяния; кожа погибшего была бела, словно пергамент, волосы его тоже были поразительно светлыми. Рост этого тощего изможденного человека с перерезанным горлом был чуть меньше семи футов.

Эрик склонился над перепачканным грязью телом и стал принюхиваться. Сняв с раны кусочек запекшейся крови, он принялся растирать ее между пальцами.

Конан угрюмо ждал. Наконец старик тяжело поднялся на ноги и вытер кончики пальцев о полу плаща.

— Его убили прошлой ночью, мой господин, — сказал он.

Конан еще раз взглянул на лицо убитого — узкий подбородок, высокие скулы, тонкие черты. Вне всяких сомнений, перед ним лежал гипербореец — об этом говорили и его неестественная бледность, и хрупкое телосложение при чудовищном росте, и бесцветные шелковистые волосы. На Конана смотрели мертвые, зеленые, словно у кошки, глаза.

— Отпуская собак, Эрлик. Просперо! Предупреди людей о том, что враги могут появиться в любую минуту! Нас, похоже, ведут.

Пуантенский генерал и король поскакали бок о бок. Вежливо откашлявшись, генерал спросил:

— Вы считаете, что маска и меч были оставлены для нас, мой повелитель?

— Я в этом уверен, — буркнул Конан. — Я это нутром чую. Где-то там скрывается целая банда этих белых демонов, похитивших моего мальчика. Они ведут нас, словно скот, разрази их гром!

— Они хотят устроить нам засаду? — спросил Просперо. Конан на мгновенье задумался и отрицательно покачал головой.

— Не думаю, В течение последнего часа мы миновали три таких места, лучше которых для засады не придумать. Нет, — они явно хотят чего-то другого. Возможно, где-то впереди нас ждет их послание.

Просперо не стал спорить с этим.

— Возможно, они хотят получить выкуп?

— Может статься, они захотят использовать принца как приманку, — ответил Конан, блеснув глазами, словно лютый зверь. — Как-то раз я попал в плен к гиперборейцам. Там я такого натерпелся, что до сих пор к этим костлявым демонам особой любви не питаю. Когда же их гостеприимство меня вконец утомило, я ответил им тем же, — так что, думаю, и у них ко мне особой приязни нет!

— А что означает эта маска из слоновой кости? Конан сплюнул и приложился к фляге с вином.

— Гиперборея — место темное. Этой мертвой, голой, объятой туманами землей правит страх. Страною управляет служители тайного культа — черные колдуны-убийцы. Их единственное оружие — деревянные прутья, на конце которых закреплены шары, выточенные из необычного металла, называемого платиной. Старуха, которую колдуны считают воплощением богини смерти, правит всеми их землями, она же является и их главной жрицей. Ее слуги-убийцы заняты постоянным самоистязанием — они умерщвляют свое тело, разум и волю. Маски, подобные той, которую ты видел, — одно из проявлений их фанатизма. Нет в мире воинов страшнее этих, — слепая вера в демонов делает их бесстрашными и нечувствительными к боли.

Дальше они ехали молча. И тому, и другому представилась страшная картина беззащитный мальчик, окруженный фанатичными служителями смерти, люто ненавидящими Конана.

Лес становился все реже — на смену мрачным чащам восточного Гандерланда пришли меловые пустоши, поросшие вереском и папоротником. Они приближались к границе владений Конана. Где-то здесь сходились земли Аквилонии, Киммерии, Пограничного Королевства и Немедии.

Похолодало. Небо стало затягиваться тучами. Багряный вереск волновался и шумел на ветру. Издалека слышался хриплый крик болотных птиц. Земля эта была пустынна и уныла.

Конан скакал впереди. Внезапно он остановил своего коня и знаком приказал остановиться другим. Не сходя с коня, он угрюмо смотрел на предмет, лежавший на тропе. Воины спешились и подошли к своему королю.

Перед ними лежало легкое, сделанное из ивняка копье, которое могло принадлежать разве что ребенку. На древко был одет белый пергаментный свиток.

Эрик снял пергамент с древка и подал его своему королю, что так и сидел в седле. Конан развернул тугой скрипучий свиток.

Послание было написано по-аквилонски; писавший его, судя по всему, торопился — руны были написаны небрежно и разобрать их было весьма непросто. Нахмурив брови, Конан молча прочел послание передал его Просперо, зачитавшему его вслух.

«КОРОЛЬ ДОЛЖЕН В ОДИНОЧКУ НАПРАВИТЬСЯ В ПОХИОЛУ. ЕСЛИ ОН ВЫПОЛНИТ ЭТО УСЛОВИЕ, С СЫНОМ ЕГО НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ. ЕСЛИ ОН ПОСТУПИТ ИНАЧЕ. РЕБЕНОК ЕГО УМРЕТ СТРАШНОЙ СМЕРТЬЮ. КОРОЛЬ ДОЛЖЕН ИДТИ ПО ТРОПЕ, ПОМЕЧЕННОЙ БЕЛОЙ РУКОЙ.»

Просперо поморщился — послание было написано кровью.

4. Белая Рука

Конан в одиночку направился к пустынным землям, лежавшим за пределами Аквилонии. Если бы он вернулся в Танасул и, собрав войско, повел его на туманную Гиперборою, он потерял бы сына. Ему не оставалось ничего другого, как только выполнять поставленные ему условия.

Король передал Просперо огромный золотой перстень с печатью, который он носил на большом пальце правой руки. Тем самым на время своего отсутствия он передавал пуантенскому генералу всю полноту власти в Аквилонии. В случае смерти Конана королем аквилонцев должен был стать второй его сын, регентами которого были бы королева Зенобия и генерал Просперо.

Конан объяснил все это Просперо, глядя ему в глаза, — он не сомневался в том, что этот доблестный воин в точности выполнит все сказанное. Но сказал он ему не только это. Собрав в Танасуле армию из рекрутов, Просперо должен был повести ее на столицу Гипербореи Похиолу.

Конану просто-напросто хотелось как-то занять Просперо. Он прекрасно понимал, что никакая армия не сможет ни нагнать его, ни пройти там, где пройдет он, Конан. Он окажется в сверкающих стенах Похиолы много раньше Просперо.

Эти земли назывались Пограничным Королевством. Пустынные безжизненные пустоши тянулись до самого горизонта. То тут, то там росли чахлые кривые деревца. Время от времени из заросших болот вылетали напуганные внезапным шумом птицы. Холодный, пронизывающий до костей ветер пел свою заунывную песнь.

Конан спешил, но однако оставался внимательным и осторожным. Своего чалого жеребца Имира он загнал прошедшей ночью; теперь под ним был крупный серый жеребец барона Гийома Имирского. Барон был так толст, что весом почти не уступал Конану. Скакун его был могуч и широк в кости. Киммериец не стал брать с собой громоздкую охотничью амуницию, он одел на себя простой кожаный камзол и промасленную кольчуту. Меч он повесил за спину, так чтобы он не сковывал его в движениях; на передней луке седла он закрепил тугой гирканский лук и колчан со стрелами с черным опереньем.

Вначале почва была мягкой, и потому следы коней гипербoreйцев были видны на ней ясно. Конан пустил коня галопом, надеясь хоть как-то выиграть время. Кто знает, — быть может его суровый бог Кром смилостивится над ним и позволит ему догнать бледнолицых похитителей еще до того, как они вступят в Похиолу. Впрочем, Конан на это почти не надеялся...

Теперь под копытами коня были уже камни, но и здесь он вряд ли мог сбиться со следа — похитители оставили для него меты — отпечатки ладони, белевшие. среди темных деревьев. Порою знак ставился на вершинах покрытых сухими травами холмиков, и тогда он казался морозным узором невесть откуда налетевшей стужи.

Колдовство! Волосы на затылке киммерийца поднялись дыбом. На его родине, в Киммерии, что лежала к северо-западу отсюда, люди слышали о Белой Руке, страшном символе колдунов Гипербореи. От одной мысли о том, что его сын попал в руки гипербoreйцев, Конану становилось страшно.

Он все скакал и скакал вперед по унылой пустоши, мимо темных холодных болот, чахлых папоротников и жалких деревьев, не давая ни минуты отдыха ни себе, ни коню. Пустошь стала погружаться во тьму. На небе появились звезды, их было немного, и свет их был тускл, ибо все небо было затянуто дымкой. Луна на минуту вышла из-за облаков, но тут же скрылась вновь. Мир погрузился во тьму.

Теперь Конан должен был ждать рассвета. Кряхтя, киммериец спешился, — все члены его ныли. Накормив овсом скакуна, он развел небольшой костер из сухих папоротников и, положив под голову седло, забылся тяжелым сном.

Вот уже три дня он скакал по этим неприютным землям. Путь шел по самому краю Большой Соленой Топи. Это огромное болото вполне могло быть останками внутреннего моря, некогда — еще на заре цивилизации — заливавшего все окрестные земли. Почва под ногами становилась все более зыбкой, — чем глубже в земли Пограничного Королевства продвигался Конан, тем ненадежнее становился его путь. Тяжелый серый жеребец шел теперь шагом, боязливо переходя с кочки на кочку. Луж становилось все больше, деревья же совершенно исчезли.

Над болотом повисли сумерки. Жеребец нервно шарахался из стороны в сторону, то и дело увязая копытами в болотной жиже. Над головой слышался писк летучих мышей. Огромная змея, толщиной в человеческую руку, бесшумно переползла через гнилое, покрытое плесенью бревно и скрылась в темноте. Тьма становилась все гуще и гуще, но Конан и не думал останавливаться, — он вновь хотел провести всю ночь в пути, сделав краткий привал лишь в полдень.

Тропинка раздваивалась. Не сходя с коня, Конан стал искать мету. На темном, отполированном непрестанными дождями камне он вновь увидел странный светящийся отпечаток руки. Он потянул за поводья и направил коня нужной дорогой.

Внезапно невесть откуда появились люди. На их грязных изможденных телах не было никаких одежд, кроме набедренных повязок. Лица их были искажены злобой.

Конан грозно заревел и, пустив коня вскачь, вынул меч из ножен.

Дикари обступали его уже со всех сторон, они цеплялись за стремена и за ноги, хватали его за кольчугу, дергали коня за гриву, пытаясь свалить его с ног. Конь поднялся на дыбы и замахал своими огромными копытами. Одному из дикарей он проломил череп, другому размозжил плечо.

Клинок Конана со свистом опустился на головы нападавших. В одно мгновенье он обезглавил пятерых, в черепе же шестого его меч застрял. Тело дикаря, падая, увлекло за собой и клинок. Конан спрыгнул с коня и тут же оказался окруженный дикарями. Их безумные глаза горели ненавистью, их пальцы хищно впивались в его руки. Дикая толпа погребла его под собою, и в тот же миг на голову Конана опустилась тяжелая дубина. Конан рухнул как подкошенный.

5. Призрак прошлого

Теперь они шли по мощеной камнем дороге. Впереди замаячил общий туманной дымкой холм. Утомленный долгой дорогой Конн видел его смутно.

Вершину холма венчал огромный замок, сложенный из гигантских каменных плит; в тусклом свете звезд он казался призрачным. По углам замка стояли массивные башни. К его мрачному порталу отряд и направлялся. Тяжелая решетка, закрывавшая вход в замок, стала медленно подниматься. Мальчик едва смог скрыть свой испуг, — заканчивавшаяся страшными зубьями ржавая решетка и тьма, разверзшаяся за ней, делали врата похожими на осклабленную пасть огромного чудища.

Они въехали в гигантскую залу, слабо освещенную развешанными по стенам факелами. Решетка, зловеще лязгнув, опустилась, — пасть захлопнулась.

Холодные белые руки сняли мальчика с коня и бросили его в угол. Чувствуя спиной сырую стену, Конн стал осматриваться. Вскоре глаза его привыкли к полумраку, и он смог рассмотреть этот огромный гулкий зал. Похоже, других покоев в замке не было. Своды залы терялись где-то высоко вверху. Возле стены стояли — длинный стол, пара грубых скамеек и несколько стульев. На столе было пять или шесть деревянных тарелок, наполненных обедками, и пара ломтей непропеченного черного хлеба. Только теперь мальчик почувствовал, как он голоден. Словно услышав его мысли, старуха что-то приказала своим людям. Один из них взял тарелку со стола и поставил ее перед Конном.

Руки его занемели, ибо все это время были привязаны к луке седла. Человек в черном снял ремни с запястий мальчика и тут же стянул его шею цепью, привязанной к ржавому кольцу, закрепленному на стене. Человек безмолвно наблюдал за тем, как Конн давится обедками.

Колдун снял свою белую маску, открыв мальчику свое лицо. Бледное изможденное лицо несло на себе печать нечеловеческой безмятежности. Конну не понравились ни его тонкие бесцветные губы, ни его холодные зеленые глаза. Впрочем, сейчас ему было не до похитителей — слишком уж велики были его усталость и голод. К нему подошел еще один человек, державший в руках грязную дерюгу. Он бросил дерюгу на пол, после чего оба колдуна удалились. Конн подгреб под себя грязную солому, которой были застелены полы залы, и, завернувшись в тряпье, тут же уснул.

Его разбудил звук колокола. Свет солнца не проникал в это чудовищное сооружение, и потому о времени суток можно было лишь гадать.

Конн протер глаза и стал смотреть по сторонам. В центре залы на невысоком каменном возвышении, скрестив ноги, сидела ведьма. Перед ней стояла огромная медная чаша, наполненная раскаленными угольями, отсвечивающими на ее лице кроваво-красными отблесками.

Конн принялся рассматривать ее. Ведьма была старей. Седые пряди падали на ее изрезанное густой сеткой морщин лицо, чтоказалось не только бесчувственным, но и безжизненным. Однако изумрудные глаза ее были исполнены удивительной силы, — огненный их взгляд был устремлен в никуда.

Сидевший рядом с возвышением человек в черном ударял обшитой войлоком колотушкой по небольшому колоколу, имевшему форму черепа. Глухому его звону вторило мрачное эхо.

Один за другим в залу стали входить Колдуны. Лица их были скрыты масками из слоновой кости, головы прикрыты черными капюшонами мантий. Один из Колдунов вел перед собой наглого лохматого человека. Конн вспомнил, что человек этот был пленен слугами смерти несколькими днями раньше, — его поймали на болоте. Ему на шею набросили петлю, и он то

бежал, боясь отстать от коня, то падал, и тогда конь тащил его за собой. Изуродованное тело пленника было покрыто грязью. Широко раскрыв рот, он испуганно озирался по сторонам.

Началось ужасное действие. Два Колдуна, став на колени, обвязали ноги пленника ремнем, спускавшимся с балки. Они потянули за свободный конец ремня, и вскоре человек уже висел вниз головой над чашей с угольями. Зала наполнилась истошным кряжом.

И тогда они перерезали своей жертве горло.

Пленник забился в агонии, но уже через несколько мгновений испустил дух. Глаза Конна округлились от ужаса. Кровь стекала прямо на уголья, от которых поднимался неимоверный зловонный чад.

Все это время ведьма оставалась совершенно недвижной. Присмотревшись получше, Конн увидел, что она слегка покачивается в такт какой-то слышной лишь ей одной мелодии. Люди в черном застыли вокруг возвышения. Угли шипели и потрескивали. Кровь текла в чашу нескончаемым потоком. Теперь ведьма пела уже вслух под монотонные удары колокола. Конн потрясено наблюдал за происходящим.

Облако дыма, повисшее над каменным кругом, стало странно подергиваться, казалось, что его касается некая незримая рука. И тут лицо мальчика стало бледным как смерть.

— Кром! — прошептал он дрожащими губами.

Облако дыма приняло форму человека — статного широкоплечего человека, одетого повосточному; капюшон его мантии был откинут на спину. Голова человека была обрита наголо, лицо было мрачным и хищным.

Видение это было страшно. Ведьма же продолжала свою монотонную песнь, походившую на завыванье холодного ветра.

Туманный образ стал уплотняться: мантия стала темно-зеленой, лицо красновато-коричневым, как у стигийцев и жителей Шема. Застыв от ужаса, мальчик взгляделся в лицо призрака. Ему казалось, что он когда-то уже видел его или, по крайней мере, слышал о нем — эти хищные черты, этот безгубый рот, эти горящие изумрудным светом глаза...

Тонкие губы задвигались и раздался странный, словно слетавший откуда-то издалека голос.

— Приветствуешь тебя, о Лахи! — сказал призрак. В ответ ему ведьма сказала:

— Приветствуешь тебя, Тот-Амон!

Конн окаменел, — теперь он знал, что пленили его не обычные похитители. Он попал в лапы к самому страшному и коварному врагу своего рода, — в лапы предводителя черных магов мира, стигийского колдуна, некогда поклявшегося именем своих страшных богов погубить Коннана-Киммерийца истереть с лица земли Аквилонии.

6. За вратами смерти

Конан пришел в себя перед рассветом. Голова его раскалывалась от боли, лицо было покрыто коркой запекшейся крови. И все же он был жив.

Болотных дикарей рядом с ним не было. Они исчезли в ночи, прихватив с собой и награбленное, и трупы своих людей. Постанывая, Конан сел и обхватил голову руками. Его обобрали донага, оставив на нем лишь башмаки да изорванные в клочья одежды. Теперь у него не было ни коня, ни оружия, ни провизии. Неужели болотные люди решили, что он мертв? Судя по всему, так оно и было, такими ударами можно было свалить и быка, — если бы не толстая кость, Конан отправился бы к праотцам.

В народе ходили легенды о том, что эти дикари были выродившимися потомками беглых рабов и преступников, искающих прибежища на болоте. Кровосмесительные браки низвели их до уровня диких зверей. Удивительным было то, что дикари не сожрали его, — люди, дошедшие до животного состояния, как правило, питаются особенную приязнь к человеческой плоти. Конан поднялся на ноги и только тогда понял, что же отпугнуло дикарей.

На измятой грязной траве отчетливо виднелся знак Белой Руки.

Ему не оставалось ничего другого, как только идти пешком. Обратив одну из ветвей росшего неподалеку дерева в увесистую дубину, Конан продолжил свой путь на северо-восток, следуя по тропе, отмеченной знаками.

Он выброс в суровом kraю и потому к подобным походам ему было не привыкать. Много воды утекло с той поры; много лет ему, королю гордой Аквилонии, не приходилось ниходить по следу, ни скитаться в диких землях, где каждый шаг сопряжен с опасностью. Теперь он был только рад тому, что старые привычки нисколько не забылись. Отодрав от прикрывавших его тело лохмотьев узкую полоску, он сделал из нее прашу и несколькими меткими бросками подбил пару уток. При всем желании он не мог развести на болоте огня и потому ему пришлось есть их сырьми. Ему пришлось отбиваться и от свирепой своры диких псов, и дубина его для этой цели пришлась весьма кстати. Порой ему приходилось довольствоваться лягушками и раками, которых он нанизывал на заостренную палочку. Тропа же шла все дальше и дальше на северо-восток.

Ему казалось, что прошла уже целая вечность, когда, наконец, он достиг пределов Пограничного Королевства. Граница Гипербореи была помечена странным изваянием, призванным вселять страх в сердца людей. Гряды мрачных холмов поднимались все выше и выше. Извилистая тропинка привела киммерийца к узкому перевалу, по обеим сторонам которого, словно угрюмые стражи, стояли округлые вершины. Склон одной из них был отмечен диковинным знаком грязно-белого цвета, что тут же бросался в глаза. Конан подошел к нему поближе и, скрестив на груди свои могущие руки, стал рассматривать его.

Это был череп, формою своей схожий с человеческим черепом, но только куда больших размеров. Конану стало не по себе, — ему вспомнились сказанья о великанах и тролях. Прищурив глаза, киммериец присмотрелся получше и тут же губы его искривились в улыбке. За долгие годы странствий ему многое довелось повидать, видел он и подобные черепа. Они принадлежали древним мамонтам, видом походившим на слонов. Если бы не бивни, то черепа эти действительно можно было бы принять за останки великанов. У этого же черепа бивни были просто-напросто отпилены. Конан сплюнул. Как ни странно, но увиденное приободрило его, — тот, кто прибегает к уловкам, не может быть всесильным.

На лбу мамонта была сделана надпись, — уродливые руны явно имели гиперборейское происхождение. Волею судеб Конану пришлось освоить множество языков, пусть при этом

познания его и были поверхностными. Нахмурив чело и собравшись с мыслями, он прочел:

«Врата Гипербореи
Врата Смерти для незваного гостя».

Презрительно хмыкнув, Конан спустился с перевала. Теперь он шел по вражьим землям.

Стоило Конану миновать Ворота Смерти, как он оказался на пустынной, полого уходящей вниз равнине, по сторонам которой высилось несколько голых холмов. Теперь под ногами его было каменное крошево. Ничуть не сбавляя шага, Конан вступил в холодное царство тумана, стараясь постоянно быть настороже. Однако земля эта казалась совершенно необитаемой.

Немногие жили в этой студеной стране, где солнце не греет, а сердцами владеет страх. Правители Гипербореи селились в огромных замках, сложенных изгигантских каменных плит, слуги же — в жалких лачугах, тесно обступавших скучные поля.

Конан знал о том, что огромные серые волки Севера бродят по этим землям, что в пещерах здешних живут свирепые пещерные медведи, а по залитым туманом равнинам бродят редкие мамонты, северные олени и овцебыки. Земли эти были негостеприимны и суровы.

Вскоре Конан оказался у первой из каменных цитаделей, что называлась именем Сигтона. В Асгарде он не раз слышал рассказы о свирепой правительнице Сигтоны, что питалась по слухам только человеческой кровью. Стارаясь не подходить к замку, он направился дальше, к цитадели, носившей имя Похиола.

Путь ему предстоял неблизкий. Много дней и ночей прошло, прежде чем Конан увидел в свете звезд холм, вершина которого была увенчана мрачным замком с массивными приземистыми башнями. Полуголый, голодный, грязный и безоружный, упрямый киммериец смотрел на Твердыню Колдунов с огнем во взоре. Где-то здесь находится его старший сын. Кто знает, быть может, именно здесь ему, Конану, суждено сложить свою голову. Но бороться со Смертью ему было не впервые и пока, хвала Крому, ему удавалось выходить победителем.

Гордо подняв голову, Конан подошел к мрачным вратам Похиолы.

7. Ведьма

Железные зубья решетки застыли высоко вверху. Сколоченные из черного дерева массивные ворота поблескивали шляпками железных гвоздей, что сливались в некую магическую руну, неведомую Конану. Ворота были распахнуты настежь.

Конан вошел внутрь, мрачно отметив про себя, что толщина здешних стен никак не меньше двадцати шагов. Он оказался в главной зале огромного замка. Кроме старухи с гладкими седыми волосами, здесь никого не было. Она сидела на круглом каменном возвышении, созерцая чашу с горящими угольями. Киммериец знал, что это Лахи, королева и главная жрица Колдунов, считавших ее живым воплощением их богини смерти. Громко ступая по каменным плитам пола, Конан достиг центра залы и, скрестив на груди руки, остановился рядом с возвышением.

Ведьма продолжала созерцать тлеющие уголья. Лишь через минуту она перевела взгляд своих зеленых кошачьих глаз на Конана. Киммериец тут же почувствовал силу этого взгляда. Лахи казалась дряхлой немощной старухой, но за этой жалкой маской чувствовалось присутствие чего-то необычайно сильного.

— Тот-Амон приказал мне убить тебя на месте или сковать тебя самыми тяжелыми цепями, заговорила ведьма. Голос ее был хриплым.

Конан и бровью не повел.

— Я хочу увидеть своего сына, — твердо сказал он.

— Тот-Амон сказал, что ты — самый опасный человек во всем мире, невозмутимо продолжила Лахи. — Я же считала самым опасным человеком его самого. И потому его слова кажутся мне странными. Ты действительно так опасен?

Я хочу увидеть своего сына, — повторил Кован. — Может быть, я ошибаюсь, но я не чувствую опасности, — спокойно продолжала колдунья. — Ты силен, это верно, ты силен и вынослив. Я нисколько не сомневаюсь в том, что ты достаточно отважен. И все же ты — просто человек. Не понимаю, — почему Тот-Амон так боится тебя?

— Он знает, что во мне его погибель, ответил Конан. — То же будет и с тобой, если ты не отведешь меня к сыну.

Морщинистое лицо ведьмы застыло, глаза засверкали холодным изумрудным светом. Конан продолжал смотреть ей в глаза. Взгляд Лахи исполнился еще большего холода, но и тогда киммериец не отвел своих горящих глаз. Не выдержав его взгляда, ведьма отвернулась.

Немыслимо высокие и худые мужчины в черных, плотно облегавших тело одеяниях тут же появились за спиной Конана. Казалось, они явились по беззвучному зову своей владычицы. Не поднимая глаз, с голосом, лишенным былой силы, она приказала:

— Отведите его к сыну.

Принц Конн содржался в глубокой яме, напоминавшей пересохший колодец, стены которой были выложены темным камнем. Конана спустили вниз на веревке, после чего веревка тут же была извлечена из ямы.

Мальчик лежав у стены на куче сырого тряпья. Он тут же признал в полуголом великане своего отца и, вскочив на ноги, бросился в его объятия. Конан прижал мальчика к себе и стал сипать проклятьями, желая хоть как-то скрыть обуревавшие им нежные чувства. Наконец, он похлопал мальчика по плечу и взял с него обещание, что тот ие станет впредь вести себя так глупо. Слова его были грубы и звучали грозно, но по лицу его ручьем катились слезы.

Взяв сына за руку, Конан принял осматривать его. Одежда Конна превратилась в лохмотья, он побледнел и осунулся, было непонятно и то, что он цел и невредим. Пережитое им могло свести с ума кого угодно, тем более ребенка, но он, судя по всему, держался молодцом. Конан

усмехнулся и потрепал его по плечу.

— Отец, здесь не обошлось без Тот-Амона, — возбужденно прошептал Конн.

— Я знаю, — буркнул Конан.

— Прошлой ночью старая карга вызывала его дух, — так же истово продолжал мальчик. — Они повесили дикаря за ноги и перерезали ему горло, так что кровь его стекала в чашу с горящими угольями! Поднялся страшный дым, и она превратила его в Тот-Амона!

— О чём же они говорили?

— Когда Тот-Амон услышал о том, что ты идешь по Пограничному Королевству в одиночку, он стал просить, чтобы она убила тебя своими чарами! Она спросила, зачем ей тебя убивать, и он ответил ей, что ты, мол, слишком опасен. Они стали спорить, и спор у них вышел долгий.

Конан задумчиво почесал бороду.

— Ну а ты-то сам понимаешь, почему колдунья не стала убивать меня?

— Я думаю, она хочет оставить нас в живых и тем самым как-то подчинить себе Тот-Амона, — ответил мальчик. — Все колдуны и маги мира связаны между собой. Тот-Амон куда сильнее и важнее этой старой ведьмы, но пока ты находишься в ее руках, он не сможет властвовать над нею.

— Как знать, может ты и прав, сынок, — поразился Конан. — А что это за связь между магами, о которой ты говорил? Ради чего они объединились?

— Они объединились с тем, чтобы уничтожить королевства Запада, — ответил Конн. — Тот-Амон — глава всех черных магов Юга, — Кема, Стигии, Куша, Зимбабве и тропических стран. У магов этих существует что-то вроде гильдии, которую сами они называют Черным Кольцом...

Конан неожиданно вздрогнул.

— Так-так, — и что же это за Черное Кольцо? Возбуждение мальчика достигло предела.

— Тот-Амон властвует над Черным Кольцом, но этого ему мало. Он хочет, чтобы Черное Кольцо слилось с Белой Рукой на севере и Алым Кругом где-то на Дальнем Востоке!

Конан застонал. Он знал о Черном Кольце, этом древнем братстве служителей зла. Он знал и о тех мерзостях, которые творили члены Кольца, склонившиеся до времени где-то в Стигии. Когда-то Тот-Амон был главой этого ордена, затем место стигийца занял некто Тутотмес, которому удалось свергнуть его. Тутотмеса уже не было в живых, и Тот-Амон, похоже, вновь обрел прежнюю власть над магами. Молодым королевствам Запада это не сулило ничего хорошего.

Они говорили до тех пор, пока Конн не рассказал отцу всего ведомого ему. Едва закончив рассказ, мальчик заснул крепким сном, положив голову на грудь отцу. Конан нежно обнял сына и задумался. Он смотрел во тьму, думая о том, что же может принести им будущее.

8. Посвященные Черного Кольца

На круглом каменном возвышении, находившемся в самом центре залы, стояло четыре трона черного дерева. Троны эти стояли полукругом возле огромной медной чаши с раскаленными угольями. В них сидели трое мужчин и женщина.

За стенами замка ярилась буря. Небо то и дело озарялось вспышками молний, походивших на огненные клинки. Дождь неистово хлестал по громаде замка. Земля сотрясалась от оглушительных раскатов грома.

В зале же гром скорее походил на шорох. Своды ее были объяты непроницаемой тьмой, с которой, казалось, не могла совладать никакая стихия. Люди сидели совершенно безмолвно, однако чувствовалось, что тишина эта исполнена крайнего напряженья, что росло с каждой минутой. То и дело они искося поглядывали друг на друга.

Из гулкой тьмы появились одетые в черное служители Белой Руки, что шли парами. Они вели с собой Конана. Смуглое его лицо казалось спокойным, отблески пламени играли на его обнаженной груди. Рядом с ним, высоко подняв голову, шел его сын. Колдуны подвели их к возвышению.

Конан поднял глаза и встретился взглядом с человеком могучего телосложения, одетым в темно-зеленую мантию. Голова этого человека была обрита наголо.

— Вот мы и свиделись, пес киммерийский, — процидил сквозь зубы Тот-Амон. Он говорил по-аквилонски с едва заметным акцентом.

Конан что-то проворчал и сплюнул. Отвечать стигийцу он не собирался, считая, что так он может разве что унизить себя, и потому он принялся рассматривать людей, сидевших на тронах. Гиперборейская колдунья была ему знакома, двух других он видел впервые. Первый был крошечным женоподобным человечком с кожей янтарного цвета и холодными бездушными глазами змеи. Его немыслимое одеянье поблескивало драгоценными каменьями, на коротких толстых пальчиках мерцали золотые перстни.

— Это божественный Пра-Юн, Владыка Алого Круга, бог и вершитель судеб Ангкора, восточной столицы мира, — торжественно возгласил Тот-Амон. Конан не сказал в ответ ни слова, маленький же пузатый камбужиец вежливо заулыбался.

— Великий король Аквилонии и я — старые друзья, хотя он меня и не знает. Некогда он сослужил мне такую службу, что я благодарен ему и по сей день, произнес коротышка писклявым голосом.

— Как-то мне не доводилось об этом слышать, — насторожился Тот-Амон. Пра-Юн широко улыбнулся.

— Ну как же! Некогда он смог уничтожить знаменитого Ян-Шаня, — вероятно, сам он помнит об этом? Так вот, — этот самый Ян-Шань был самым могущественным из всех магов Китая. Он был моим соперником и превосходил меня в силе, и потому был владыкой Алого Круга. Не убей его этот отважный аквилонский царь, и я не стал бы верховным магом нашего ордена!

Пра-Юн вновь широко улыбнулся, однако Конан заметил, что глаза его при этом остаются холодными, — недвижными и ледяными словно у гадюки.

Рядом с крошечным восточным божком сидела одетая в белую мантию Лахи, за Лахи — огромный черный дикарь. Его натертое маслом тело поблескивало, на кудрявой голове покачивались страусиные перья. Он был одет в шкуру леопарда, на запястьях и предплечьях поблескивали массивные золотые браслеты. Огромный мускулистый дикарь сидел совершенно недвижно. Живые его глаза горели адским пламенем.

— А это великий боккор или шаман Ненаунир, пророк и верховный жрец Дамбаллы, — так жители далекой Зимбабве величают Отца Сета, — представил дикаря Тот-Амон. — Одно слово Ненаунира и три миллиона черных воинов сметут все и вся.

Конан продолжал хранить молчание. Черный великан проревел:

— Стигиец, он не кажется мне опасным. Почему ты его так боишься?

Тень легла на лицо Тот-Амона. Не успел он вымолвить и слова, как Лахи рассмеялась хриплым смехом.

— Я присоединяюсь к Владыке Зимбабве! — проскрипела она. — А теперь мне хотелось бы немного развлечь моих гостей. Камоинен! — Ведьма хлопнула в ладоши.

Круг Колдунов расступился и к возвышению подошел один из них. На бледном его лице поблескивали водянистые голубоватые глаза. В руках Колдун держал тонкую черную палочку больше локтя длиной. На каждом ее конце было по небольшому размером с куриное яйцо — металлическому шару.

Он поклонился своей королеве.

— Приказывай же, Богиня, — бесстрастно произнес он. Бледная морщинистая маска озарилась изумрудным блеском кошачьих глаз. Ведьма смотрела на Конана.

Пусть киммериец опустится перед нами на колени, — сказала она. — Тогда мои братья поймут, что бояться его нечего!

Человек в черном низко поклонился Лахи и тут же метнулся к Конану, взмахнув своей палочкой. Бдительный киммериец отпрыгнул назад, ибо не понимал того, что же держит в руках Колдун. Магический жезл просвистел мимо его лица, коснувшись седых прядей.

Противники принялись кружить по зале. Конан то сжимал, то разжимал свои огромные кулачищи. Ему хотелось броситься на тощего гиперборейца и повергнуть его одним смертельным ударом, но он удерживал себя, понимая, что тонкая палочка, поблескивающая в руке противника, таит в себе какую-то неведомую ему опасность.

Юный Конн так и стоял в окружении Колдунов. Внезапно он поднял руку и прокричал что-то по-киммерийски. Язык этот, резкий и гортанный, ни на что не походил, — кроме отца здесь его никто не знал.

Конан сузил глаза. Мальчик сказал ему, что Колдуны бьют своими жезлами по болевым точкам. Словно тигр Конан ринулся на своего противника и занес правую руку для удара. Колдун взмахнул своей палочкой, метя киммерийцу в локоть.

Конан подставил под удар левую руку, которую тут же пронзила страшная боль, правою же рукой он изо всех сил ударил Колдуна в лицо.

Не успело тело Колдуна рухнуть наземь, как Конан подхватил его и швырнул в центр залы.

Тело угодило прямо в чашу, до краев наполненную раскаленными угольями. Четверку изумленных магов окатил огненный ливень.

Белые одеяния Лахи вспыхнули, и она пронзительно завизжала. Тот-Амон, прикрывая лицо руками, отшатнулся назад. Маленький камбужиец споткнулся о ножку трона и рухнул прямо в огненное месиво.

Зала наполнилась шумом. Стражи в черных одеждах задвигались, но было уже поздно. Конан метался между ними, сшибая их словно кегли. Страшные удары его огромных кулаков крушили черепа и дробили кости врагов.

Юный Конн тоже не стоял на месте. Отец не зря учил его искусству рукопашного боя. Стоило отцу сойтись с первым противником, как Конн ударил стоявшего рядом с ним Колдуна под коленную чашечку. Колдун охнул и упал на пол. Конн ударил его по голове деревянным табуретом и тут же набросился на другого гиперборейца. Не прошло и десяти секунд, как он сразил этим странным оружием четверых врагов.

На каменном возвышении бился в агонии царь Ангкора. Грозно заревев, огромный черный шаман поднял над головой трон и швырнул его в Конана.

Конан прыгнул на пол, и тяжелый трон, просвистев у него над головой, сокрушил добрую дюжину его противников. Не мешкая ни минуты, киммериец взбежал на возвышение и схватил Тот-Амона за горло.

И тут ему помешала старая ведьма. Обезумев от боли, она металась по каменному кругу, полыхая словно факел. Конан отшатнулся от нее, и в тот же миг Тот-Амон прибег к последнему своему средству.

Зала озарилась ослепительной вспышкой изумрудного света. Конан схватил в руки трон Лахи, но было уже поздно, — Тот-Амон бесследно исчез.

Конан посмотрел в залу. Повсюду царили сумятица и хаос. Разбросанная по полу солома местами горела. Пол был усеян изуродованными трупами гиперборейцев. Он увидел своего сына, бешено вращавшего над головой тяжелый табурет. Полдюжины Колдунов уже лежали на полу, однако круг гиперборейцев, размахивавших своими страшными жезлами, становился все теснее. С десяток Колдунов взбежало по ступеням каменного круга; лица их были исполнены решимости.

9. Кровь и пламя

Конан оторвал от земли тяжелую медную чашу, обжигавшую ему пальцы, и метнул ее в Колдунов. Чаша смела их с круга. В тот же миг зала вновь наполнилась изумрудным огнем. Конан обернулся и увидел, что исчез и черный шаман. Похоже, это колдовство позволяло магам легко преодолевать любые расстояния. Сюда они прибыли тем же способом, — в этом можно было не сомневаться.

— Киммериец!

Голос этот заставил Конана вздрогнуть. Он обернулся.

Камбужиец являл собою нечто жалкое. Его усыпанная каменьями мантия обратилась в перепачканную сажей тряпку. Инкрустированная самоцветами корона свалилась с его головы, открыв бритый череп. Лицо было покрыто ссадинами и волдырями. Однако глаза его смотрели на Конана пристальнее, чем прежде, взгляд Пра-Юна исполнился страшной силы.

Маг протянул к Конану свою дрожащую руку и из пальцев его внезапно выплеснулись снопы пламени.

Киммериец охнул. Тело больше не подчинялось ему, — казалось, что его погрузили в ледяную воду. Холод сковал его члены.

Скрипя зубами, он попытался силою перебороть внезапную напасть. Лицо его потемнело от напряжения, глаза едва не вышли из орбит. Но все его попытки были тщетными, — тело его обратилось в ледяную глыбу, неподвластную человеческим воле и силе.

Лежащий среди угольев камбужиец заулыбался. Нечестивый огонь вспыхнул в его холодных змеиных глазах.

Не опуская руки, маг стал бормотать слова заклинания.

Сердце Конана пронзила боль. Над ним стала сходиться тьма.

И тут невесть откуда взявшаяся стрела угодила прямо в висок Пра-Юну. Холодные черные глаза погасли.

Тело мага забилось в конвульсиях и, наконец, замерло. Чары распались, Конан вновь был свободен.

Его окатила волна тепла и силы, — тело его вновь вернулось к жизни.

Он поднял глаза и посмотрел в залу. Старый Эрик стоял у стены, в руках он держал тяжелый арбалет. Никогда еще он не стрелял так метко. В залу вбежала дюжина одетых в броню рыцарей и добная сотня гвардейцев Танасула. Просперо поспел вовремя.

Близился восход. Конан набросил на плечи сына теплую шерстяную накидку. Руки, обожженные медным котлом, ныли, однако, переборов боль, он посадил сына на коня. Долгая страшная ночь, исполненная крови и пламени, подходила к концу, и конец этот был счастливым. Воины Просперо разгромили вражье воинство, убив всех Колдунов до единого. Культ смерти был развенчен, страшной Белой Руки, властвовавшей над Севером, больше не существовало.

Конан обернулся. Из узких оконец Похиолы вырывались язычки пламени. Крыша замка уже обрушилась. Под обломками каменных сводов лежали тела Пра-Юна и Лахи. Разве он не предупреждал Лахи о том, что он, Конан, может стать причиной ее гибели?

Вернувшись в Танасул, верный Просперо за пару часов поднял воинство и, не мешкая ни минуты, повел его по тропам Гандерланда и Пограничного Королевства. Они передвигались так быстро, что, казалось, за ними гонится сотня демонов.

Войско не останавливалось ни днем, ни ночью, все понимали, что малейшее промедление может обернуться для их короля гибелью. И они поспели вовремя. На стенах замка не было ни души, — все Колдуны были собраны в зале, где происходила встреча величайших магов мира.

Решетка была поднята, а обитые железом створки ворот распахнулись от легкого прикосновения. Слуги Белой Руки слишком презирали людей для того, чтобы запирать врата своего замка. Им была ведома лишь одна реальная сила, и принадлежала она их владычице, великой волшебнице Лахи.

Земля сотрясась от грома; пламя взмыло до небес. Рухнули последние своды страшного замка. Похиолы больше не существовало; зло, заключенное в ней, отошло в мир сказаний и легенд.

Донельзя усталый, но счастливый Просперо подошел к Конану, стоявшему рядом с жеребцом, на спине которого спал его сын. В глазах Конана поблескивали озорные искорки.

— Ты не забыл и о Черном Вотане! — улыбаясь сказал киммериец и потрепал жеребца по холке. Конь шумно задышал.

— Я полагаю, господин, настало время возвращаться домой? — спросил Просперо.

— Разумеется! Скорее домой, в Гарантию! Охотою я сыт по горло! То ты кого-то ловишь, то тебя ловят! Черт бы побрал эти гиперборейские туманы! У меня от этой сырости в горле першил. — Конан внезапно замолчал и принялся копаться в подсумках.

— Что случилось, мой повелитель?

— Слушай, Просперо, а у тебя случаем не осталось того красного пуантенского вина? Если память мне не изменяет, тогда мы не все выпили...

Конан вновь замолчал и удивленно уставился на своего генерала. Тот хотел так, что по щекам его текли слезы.